

DOI: 10.31857/S086919080020267-0

ИЗРАИЛЬСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В XXI В.: ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ СБОЙ ИЛИ КРИЗИС СИСТЕМЫ?

© 2022

Т.А. КАРАСОВА^a, Вл. (Зеев) ХАНИН^b

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0245-5960; karasovat@list.ru

^b – Ариэльский и Бар-Иланский Университеты, Израиль
ORCID: 0000-0001-5603-008X; zkhanin@eajc.org

Резюме: Три года подряд – 2019, 2020 и 2021 гг. – Израиль находился в состоянии перманентных избирательных парламентских кампаний. Выборы повторялись четырежды – в апреле и сентябре 2019 г., в марте 2020 и марте 2021 гг. Однако ни Биньямин Нетаньяху, лидер непрерывно правившей, начиная с 2009 г., правоцентристской партии Ликуд («Сплочение»), ни его соперники не сумели сформировать коалиционные правительства. На протяжении трех лет шла борьба сторонниками и противниками лидеров крупнейших партий и фактически избирательная кампания, не прекращалась ни на минуту. А в марте 2021 г., наконец, блоку противников Нетаньяху, объединившему партии всего политического спектра, удалось победить на выборах и сформировать коалиционное правительство. В новый кабинет министров вошли представители восьми разномастных партий. Политический расклад в обществе определил разномастность сегментов правящей ныне коалиции, что опасно для ее будущей стабильности.

Подобная беспрецедентная в израильской истории ситуация и явный политический тупик, в котором оказалась партийно-политическая система Израиля, несомненно, требуют постановки вопросов, которые пока не нашли полноценного ответа в научной литературе. Имел ли место очередной в израильской истории ситуативный политический сбой, который со временем, как и предыдущие, удастся преодолеть? Сталкивается ли он с системным кризисом партийно-политической системы, базовые элементы которой были заложены еще за несколько десятилетий до образования самого Государства Израиль? Или же, учитывая сходные процессы, в разное время имевшие место во многих странах Запада, можно говорить о кризисе всей модели парламентской демократии европейского типа, считавшейся, на протяжении столетий, оптимальным вариантом политического устройства современных этнонациональных и национально-гражданских государств? Настоящая статья является попыткой авторов, анализируя израильский опыт, приблизиться к ответу на некоторые из этих вопросов.

Ключевые слова: парламентаризм, выборы, партийные модели, группы интересов, коалиционные правительства, демократия.

Для цитирования: Карасова Т.А., Ханин Вл. (З.). Израильский парламентаризм в XXI в.: электоральный сбой или кризис системы? *Восток (Oriens)*. 2022. № 3. С. 124–134. DOI: 10.31857/S086919080020267-0

ISRAELI PARLAMENTARISM IN 21st CENTURY:
ELECTORIAL FAILURE OR SYSTEM CRISES?

© 2022

Tatiana A. KARASOVA^a, Vladimir (Zeev) KHANIN^b^a – Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0245-5960; karasovat@list.ru

^b – Ariel and Bar-Ilan Universities, Israel

ORCID: 0000-0001-5603-008X; zkhanin@eajc.org

Abstract: Just within three years, Israel experienced four consecutive Knesset electoral campaigns (in April and September 2019; March 2020 and March 2021). However, neither the leader of the permanently ruling since 2009 center-right Likud party Benjamin Netanyahu, nor his electoral opponents were able to form in any way stable coalition Government. In fact, the electoral campaign during this period due to the uncompromised rivalry between the major party blocs never terminated. In March 2021, at last, the anti-Netanyahu bloc managed to win elections and form a coalition government.

Such situation that hardly had any precedent in Israeli political history, as well as the obvious deadlock, in which the Israeli political system appeared, poses several questions that still have to find their comprehensive answer in the academic literature.

Do we deal with a situational political “glitch”, which – exactly as it had happened in the past, could be resolved at some point? Or, on the contrary, do we observe here the systematic crisis of the party and political system of the country, which basic foundations were constructed long before the declaration of the State of Israel itself? Finally, considering similar political trends in Western countries, could we talk about the general crisis of the European-style parliamentary democracy model, the one that during the past centuries was believed to be the optimal political structure framework for modern and contemporary ethnic national and civic national states? While analyzing the Israeli experience the authors of this article intend to answer a part of these and related questions.

Keywords: Parliamentarism, elections, party models, interest groups, government coalitions, democracy.

For citation: Karasova T.A., Khanin V. (Z.). Israeli Parliamentarism in 21st Century: Electoral Failure or System Crises? *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 3. Pp. 124–134. DOI: 10.31857/S086919080020267-0

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ВЫБОРЫ В ИЗРАИЛЕ

В последние десятилетия в израильских академических кругах усилился интерес к новым тенденциям и методам современного демократического процесса как части политической системы той или иной страны. В западной и израильской литературе имеются, как минимум, три оценки эффективности израильской политической системы. С позиций институционального метода обращается внимание на взаимодействие израильских политических институтов: права, государства, политических партий и движений. Обсуждается, насколько вообще легитимен и эффективен избирательный процесс на современном этапе и может ли он служить индикатором эффективности демократии. Израильские политологи опираются на позиции некоторых западных авторов, задающих вопросы о нужности и эффективности современных систем выборов и их роли в демократических обществах.

В их числе те, кто подчёркивает, что демократия, будучи сведена к ее одному, пусть и сколь угодно важному, представительному механизму, или даже к единственному элементу этого механизма – к выборам, в настоящее время увязла в сложнейших проблемах [Mor, 2019; Andeweg, 2000; *Israel under Netanyahu*, 2020].

Эти же проблемы рассматривал бельгийский историк Д.В. Рейбрук, выпустивший в 2018 г. книгу под говорящим названием «Против выборов». Он считает, что современная демократия, основанная на процедуре выборов, «тяжело больна». «Похоже, – пишет Рейбрук, – что людям нравится сама идея демократии, а не ее практическая реализация в ее нынешнем виде... Как получилось, что процедура, считающаяся фундаментом демократии, обернулась против нее?» [Рейбрук, 2018, с. 12]. Наибольшую критику у него вызывают политические партии, которые больше думают об электоральных баталиях, чем о решениях насущных проблем общества. На этом фоне уровень доверия к результатам выборов неизбежно падает [Рейбрук, 2018, с. 13]. В итоге, полагают сторонники такой точки зрения, выборы уже не дают победителю долгосрочного мандата параллельно с ослаблением значения выборов как таковых.

Другую точку зрения представляют те израильские специалисты, по мнению которых именно избирательный механизм вообще, и его израильская версия, исторически сложившаяся в еврейском государстве, является стержнем демократии. В особенности, если ее процедурная база и результаты подкреплены сильными демократическими институтами – открытым общественным диалогом, критически настроенной прессой, независимой судебной системой и развитым гражданским обществом [Parmater, 2020].

По целому ряду причин Израилю в этой схеме принадлежит особое место. Партийно-политическая деятельность не просто является одной из наиболее динамичных сфер общественной жизни этой страны. Значение израильских партий, в силу их роли в создании и становлении израильской государственности, существенно превосходит вес аналогичных институтов в большинстве демократических стран. Во многом уникальная роль политических партий ярко проявилась еще в эпоху Британского мандата над Палестиной, когда действующие там сионистские партии в условиях еще отсутствовавшего национального государства, помимо собственно политической деятельности, брали на себя целый ряд обычно несвойственных партиям функций [Arian, 1997; Medding, 2010]. После провозглашения независимости государства (1948) влияние партий возросло: партии получили доступ к министерствам и крупным государственным компаниям (в некоторых случаях фактически превратив их в свои «филиалы»), а также активно распределяли квоты на прием евреев-репатриантов, расселяя их в подконтрольных партиям кибуцах (коммунах), мошавах (кооперативных поселках) и городских кварталах. Считается, что хотя формальная конституция страны так и не была принята, в политическую систему Израиля была изначально заложена система «сдержек и противовесов», то есть те элементы гражданского общества, которые обеспечивали перевес демократических элементов в структуре израильского общества [*Israeli Democracy*, 2018; Avineri, 2021].

Другие эксперты предлагают обратить внимание на факторы развития израильской демократии, которые на сегодняшний день, по их мнению, «не работают» [Andeweg, 2000, p. 38–55]. Специалисты из Еврейского университета [*Parties*, 2000] считают, что на избирательный процесс продолжают неоднозначно влиять такие особенности развития израильской государственности, как специфическое соотношение политической и национальной идентичности, противоречия между модернизацией, постмодернизацией и традиционализмом израильского общества, между светскими и религиозными слоями населения. Это относится и к противоречиям между этническими, субэтническими и религиозными группами [Shamir, Arian, 1999]. Данные процессы способствуют дальнейшему

расслоению гражданского общества Израиля. Это приводит к стремлению отдельных этнических общин и групп отстаивать свои интересы путем формирования все новых партий, участвующих в выборах, что ведет к усилению политической фрагментации и ослаблению представительства наиболее крупных партий.

В непростых условиях развития страны, связанных с периодами военного противостояния с соседними арабскими государствами, продолжающегося палестино-израильского конфликта и острых разногласий в обществе о путях его урегулирования, с трудностями экономического порядка, победа той или иной партии на выборах порой предопределяла резкие повороты в государственной политике еврейского государства. Вся политическая история Израиля проходила на фоне соперничества основных партий и партийных объединений, борющихся за победу на выборах и право сформировать коалиционное правительство, способное получить большинство депутатских мандатов в Кнессете (парламенте) и осуществлять государственную политику. Именно поэтому специалисты уделяют внимание не только электоральным успехам и неудачам тех или иных политических сил, но и анализируют те ограничения и возможности, которая предоставляет партиям избирательная система Израиля [Yishai, 1991; Medding, 2010; *Parties*, 2008; *Israel under Netanyahu*, 2020].

Дискуссионным вопросом является тема эффективности самой партийно-политической системы, напрямую связанной с принятой в Израиле электоральной моделью и определяющей «лицо» представительной демократии в этой стране. Речь идет о действующей пропорциональной системе выборов, когда вся страна рассматривается как один избирательный округ. Каждая партия, участвующая в выборах, получает мандаты на представительство в Кнессете пропорционально поданной за нее на выборах доле голосов избирателей. Почти неизбежным итогом этого феномена является «широкая многопартийность», ставшая функцией значительного усложнения структуры израильского общества, чьи составные части заинтересованы в наличии в Кнессете и правительстве собственного политического лобби. Это, в свою очередь, привело к распространенной практике периодических расколов действующих партий и выделению их фракций в самостоятельные партийные списки.

Появление новых партий – характеристика именно этой системы. Когда голоса избирателей должны подаваться за партийный описок в целом, как это существует в Израиле, любые инакомыслящие элементы внутри партии могут добиться представительства, только выставив свой отдельный список. Это влечет за собой необходимость создания новой партии, которая может существовать как самостоятельная и после того, как исчезнет повод, вызвавший раскол [Карасова, 1988, с. 14].

Следствием такого феномена стало наличие в Израиле многопартийной системы без доминирующей партии [Ханин, 2016, с. 36]. Ни одна из крупных партий не имеет абсолютного большинства в 120-местном парламенте, поэтому вынуждена при формировании правительства заключать соглашения с другими представленными в нем фракциями. На сегодняшний день электоральный барьер, составляющий 3,25%, стабильно обеспечивает возможность представительства в Кнессете 10–15 спискам. Хотя в принципе основная масса избирателей в Израиле обычно голосует за 2–3 основные партии, а мелкие и средние партии в сумме почти никогда не имеют больше 15–18% голосов избирателей, само наличие таких партий вносит раздробленность в политический спектр страны. В итоге правящие коалиции – это продукт компромисса крупной партии с мелкими попутчиками, различающимися своими политическим и идеологическими платформами, требования которых необходимо учитывать, что однако не препятствует (хотя далеко не всегда) победившей партии проводить свой курс. Но одновременно это делает их зависимыми от практически любого из младших коалиционных партнеров, сколько-нибудь существенные разногласия

с каждым из которых регулярно приводят к коалиционным кризисам, а вслед за ними, нередко — к распаду правительственных блоков и новым досрочным парламентским выборам.

Западные специалисты, являющиеся наиболее последовательными критиками израильской избирательной системы, в основном обвиняют такую пропорциональную представительную систему как приводящую к постоянной нестабильности, усиливающую внесистемные элементы в партийной системе, что часто приводит к правительственным кризисам, за которыми следуют внеочередные выборы [Rahat, 2008, p. 20]. Более умеренную оценку среди них предлагает Дж. Сатори [Satory, 2000, p. 13–28.], который, полагая, что эффективная избирательная система сокращает число партий, все же отрицает точку зрения, что избирательная система Израиля создает наихудшие условия для многосторонней (многомерной, многосложной) конкуренции и не может контролировать и предотвратить дисфункции этой системы [Satory, 2000]. В свою очередь, большинство израильских экспертов активно защищают эту систему, считая, что столь часто критикуемая израильская избирательная модель на самом деле со времени первых выборов в 1949 г. не только неизменно эффективно работает, но и вносит огромный вклад в сохранение политической стабильности в стране [Mor, 2013, с. 38–55]. Какая из этих оценок ближе к истине?

ЭТАПЫ ИЗРАИЛЬСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА И ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ

Если рассматривать основные этапы развития партийной системы Израиля, становится очевидным, что нестабильность правительств не являлась поначалу показателем серьезных проблем представительной демократии. Ее первый этап (1949–1977) был «полуконкурентным»: доминирование Рабочей партии Израиля (МАПАЙ), позднее объединения лейбористских партий МААРАХ и затем его наследницы Партии труда («Авода») было ограничено тем, что они ни разу не получали абсолютного большинства мест в Кнессете (пиком было 54–56 мандатов из 120) [Карасова, 2009, с. 70]. Левые лейбористские партии, чьей идейно-политической платформой была умеренно-социалистическая программа, построенная на сильной регулирующей роли профсоюзов и широком вмешательстве государства в экономику страны, формировали правительство страны и контролировали наиболее важные министерства и ведомства. Имевшие место правительственные кризисы и внеочередные выборы первоначально не выходили за рамки задач перегруппировки сил внутри коалиции при абсолютном сохранении позиций правящих партий в парламенте и правительствах [Карасова, 1988, с. 18]¹.

Дисбаланс системы начался во второй половине 1960-х гг. и шел параллельно с глубокими структурными изменениями в израильском обществе, укреплением роли гражданских организаций и экономического веса частных (особенно мелких и средних) предприятий и неизбежным в этих условиях концептуальным поворотом «левых» израильских элит от социал-демократических идей к идеологическому и политическому прагматизму. Шло резкое укрепление конкурирующей с левыми партиями противоположной, правоцентристской части политического спектра страны, возглавляемой партией Ликуд, ядром которой являлся идейный наследник ревизионистского течения в сионизме, движение «Херут».

Итогом стал политический переворот в Израиле 1977 г., когда в результате выборов впервые в истории страны партия «Авода» утратила власть, а правительство сформиро-

¹ Коалиционная политика в те годы являлась для правивших партий важным инструментом власти. Их лидеры, особенно Давид Бен-Гурион, из-за разногласий с религиозными партнерами по коалициям, прибегали к роспуску парламента и внеочередным выборам, в частности, в 1950, 1951 и 1959 г.

вал правый блок «Ликуд» под руководством М. Бегина, что ознаменовало начало второго этапа израильского парламентаризма. «Ликуд» постепенно возглавил так называемый «национальный лагерь» политических сил, стоявший на жестких позициях в отношении арабо-израильского конфликта, и предложил собственную концепцию развития страны: отказ от модели социально-экономического устройства общества, усиление националистической компоненты и принципа «активизма» в политике, предполагающего опору на силовые методы и военную мощь. В то же время официальная платформа партии «Авода» и ее союзников, продолжающих продвигать идею территориального компромисса с арабами, идею социально-ориентированной экономики, и умеренно-либеральную гражданскую платформу, также оставалась весомой частью общественного дискурса.

С конца 1970-х гг. и до середины 1990-х гг. политическая ситуация в стране определялась соперничеством двух относительно сплоченных партийно-политических блоков – «правого» и «левого», в которых доминировали две «большие партии» – правоцентристский «Ликуд» и левоцентристская «Авода». В 1984–1990 гг. страной управляли правительства национального единства, возникавшие как итог соглашения обеих ведущих партий. В последнее десятилетие XX в. эрозия двухпартийной модели углубилась в связи со вступлением израильского парламентаризма в третий этап своего развития – эпоху «партийного полиморфизма». Число мандатов, которыми располагали «Авода» и «Ликуд» в Кнессете, постоянно снижалось, и, напротив, возрастал совокупный потенциал их конкурентов за голоса «левых» и «правых» избирателей. Данный процесс стал ответом на глубокие изменения, произошедшие в израильском обществе – его превращение из «унитарного» в плюралистическое, легитимацию идеи мультикультурализма, возрастание политического веса новых элит и различных социальных, культурных и общинных групп.

В Израиле, как и во многих странах западной демократии, усилились процессы, которые Питер Майр назвал признаком понижения интенсивности идеологической поляризации [Майр, 2019, с. 79,89]. Ведущие партии, конкурируя за «умеренного» избирателя и голоса среднего класса (а это сегодня около 70% населения), закономерно превращались из движений с менее очерченными идейными и политическими платформами, в т. н. партии для всех (пользуясь термином американской политологии, *catch all parties*), обращаясь к широким кругам избирателей [Krouwel, 2003; Cas, 2008]. На том этапе появился иной тип партийных союзов, задачей которых было уже не столько достижение политического доминирования, сколько обеспечение относительного перевеса над противниками из противоположного лагеря [Ханин, 2014, с.17–34]. Переломным пунктом стали итоги выборов 1999 г.: две партии «Авода» и «Ликуд» впервые набрали менее четверти голосов каждая, что при любых обстоятельствах делало их меньшинством даже в узкой правящей коалиции [Arian, Shamir, 2001].

Это вынудило большинство ключевых игроков бороться за голоса одних и тех же сравнительно умеренно-настроенных избирателей, используя во многом схожие техники убеждения. Программы партий стали все меньше отличаться друг от друга, а достижение программных целей оказалось само по себе менее значимым и желанным [Майр, 2019, с. 89]. В итоге возросла зависимость лидеров этих партий при формировании правительства от средних и мелких политических фракций, каждая из которых, войдя в правительство, по сути, получала «ключ от коалиции», а вместе с ним – вес и влияние, непропорциональное их размерам и поддержке в обществе. Такое положение с годами все более негативно сказывалось на стабильности и эффективности деятельности правительств и системы государственного управления в целом [Карасова, 2005, с. 389–390].

Четвертым этапом израильской парламентарной демократии (2009–2021) стало укрепление правого лагеря страны во главе с «Ликудом» и с постепенной трансформацией межбло-

кового противостояния в структурирование бессменной «партии власти» – «Ликуда» под руководством Б. Нетаньяху. Было образовано ядро правящих коалиций из стратегических союзов «Ликуда» с время от времени меняющимися партиями-спутниками (чаще всего с ультраортодоксальными партиями). Нетаньяху выступал в качестве единого согласованного кандидата, руководители же этих партий либо не имели премьерских амбиций, либо претендовали на роль «официальных наследников» Нетаньяху после завершения последним своей политической карьеры.

Парламентский контроль над деятельностью правительства Нетаньяху становился все более формальным. Так, в Кнессете 18-го созыва 2013–2015 гг. более 40% депутатов от «Ликуда» предыдущего состава не были переизбраны и продолжали работать в парламентских комиссиях. Стало почти невозможным обеспечить разделение исполнительной и законодательной ветвей власти в условиях, когда около половины депутатов, голосующих каждый раз против вотумов недоверия правительству, сами входили в его состав [Эпштейн, 2013, с. 65]. Это нарушало принцип полного суверенитета парламента и его приоритетного положения.

Данная ситуация являлась проявлением далеко зашедшего и уже неплохо осознанного экспертным сообществом Израиля и его общественным мнением процесса кризиса институтов политической власти и трансформации связанных с ними традиционных израильских элит. Во-первых, это растущее несоответствие сохраняемым государственным структурам и гражданских институтов новым условиям и запросам многокультурного и быстро глобализирующегося израильского общества. Во-вторых, это растущая разбалансировка трех ветвей власти: законодательной (Кнессет), исполнительной (правительство) и правовой (судебной системы), восстановить которую непросто в условиях низкого уровня доверия к правящим институтам. Наибольшее раздражение общества вызывает так называемый «судебный активизм» – ситуация, при которой верхушка судебной системы – Верховный суд (Высший суд справедливости), помимо своей основной, юридической функции, все более активно вмешивается во взаимодействие исполнительной и законодательной власти, становясь политическим фактором, не подконтрольным правительству и Кнессету страны [Карасова, Штереншис, 2016, с. 24–32]. Это отмечается не только политиками, но и представителями самой юридической системы, такими как бывший президент Высшего суда проф. А. Барак, который признал снижение доверия к судебной системе [Barak, 2010]. Идея реформы судебной системы широко обсуждается в израильском обществе. Не меньше нареканий вызывает в обществе и «правительственный активизм», также нередко выходящий за рамки принятых и исторически согласованных в рамках израильской консорциональной (согласительной) демократии принципов взаимодействия законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти.

Наконец, при сохранении стабильного интереса к политике и, прежде всего к деятельности правительства, что является предметом обсуждения всего населения страны, результаты выборов с течением времени все менее удовлетворяют избирателей, уровень доверия к ним падает. Бесконечные взаимные компроматы и скандалы в политических коридорах власти во время предвыборных кампаний приводят к разочарованию в самом институте выборов. Кризисная ситуация начала особенно активно развиваться в конце «эпохи Нетаньяху» – на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. Растущее общественное раздражение партийной системой Израиля, выстроенной вокруг шаткого доминирования «Ликуда», вплотную приблизилось к пределу, когда, говоря словами Рейбрука, «система еще способна выдержать груз насмешек, не потеряв прочности» [Рейбрук, 2018, с. 11].

Данный процесс мог продолжаться еще достаточно долго, не вызывая критических потрясений, поскольку у партийно-политической системы имелся испытанный временем

и сообщавший ей относительную устойчивость «громоотвод» – палестино-израильский конфликт и проблема безопасности. Эти темы сохраняли в общественном мнении большое символическое значение, поскольку оставались одним из главных факторов мобилизации электората партий, входящих в широкий правый или широкий левый лагерь. Внешнеполитическая напряженность позволяла политическим элитам до времени не акцентировать темы гражданских реформ, социально-экономической политики и, не в последнюю очередь, оптимизации системы власти – несмотря на то, что общественный запрос на такие реформы на протяжении всего последнего десятилетия испытывал очевидный рост [Ханин, 2018, с. 59–61]².

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ 2019–2021 гг. КАК ФАКТОР ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В последние годы обнажились системный характер кризиса и необходимость переформатирования партийно-политической модели страны на новых принципах, отличных от однозначно довлеющей традиционной темы внешней политики и безопасности. Главным «камнем преткновения» стали гражданские вопросы. Шло определенное оттеснение темы арабо-израильского конфликта в общественном мнении израильтян на периферию общенациональной повестки дня. На передний план политической борьбы вышли ранее «второстепенные» факторы политических противоречий: взаимоотношения государства и религии; отношения между национальными группами (евреи, арабы, другие) и субэтническими (общины выходцев из разных стран) общностями, различия в подходах к социально-экономической политике.

Темой обсуждения стало соответствие сегодняшним реалиям всего комплекса норм, правил и пониманий, действующих в рамках сложившегося на заре израильской государственности т. н. светско-религиозного статуса-кво (то есть согласованных и общепринятых норм отношений между государством и религией). Более широкой темой обсуждения стал вопрос о содержании идеи «еврейского демократического государства» в современную эпоху и смысле сионизма через семь десятилетий после создания Государства Израиль. В таком контексте приоритеты правящего союза Ликуда и его постоянных партнеров – партий ультраортодоксов – стали уже менее очевидными. Это, собственно, и показали переходящие одна в другую четыре избирательные кампании подряд с апреля 2019 по март 2021 г. в Кнессет 21-го, 22-го, 23-го и 24-го созывов, в результате которых Ликуд так и не смог набрать достаточное количество мандатов для создания устойчивой правительственной коалиции.

Накануне четвертых выборов 2021 г. в израильском политическом пространстве сформировался сильный блок противников Нетаньяху, объединивший партии всего политического спектра. Так называемому Блоку перемен удалось сформировать правительство, получив минимальное большинство в Кнессете (60 голосов «за» при 59 «против»). В новое правительство вошли представители восьми партий³. Политический расклад в обществе определил разномасштабность сегментов правящей ныне коалиции. Такая сложная конструк-

² Достаточно упомянуть, например, масштабные социальные протесты против дороговизны жизни осенью 2011 г. или многочисленные выступления за секуляризацию общественного пространства и экономической политики, прокатившиеся по городам Израйля со светским и смешанным населением зимой 2018 г.

³ В коалицию вошли: «Еш Атид» во главе с Яиром Лапидом – 17 мандатов; «Кахоль-Лаван» Бенни Ганца – восемь мест в Кнессете; «Ямина» Н. Беннета – семь; «Наш дом – Израиль» А. Либермана – семь; «Израильская партия труда» («Авода») М. Михазли – семь; «Новая надежда» («Тиква Хадаша») Г. Саара – шесть; «Мерец» под началом Н. Хоровица – шесть; Объединенный арабский список («РААМ») – четыре.

ция стала возможной именно в ситуации продолжающегося после четвертых выборов кризиса власти.

ЧЕТЫРЕ ВАРИАНТА ВЫХОДА ИЗ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА

Сегодня израильтян занимает тема, сможет ли сложившееся весьма нестандартное по конструкции правительство просуществовать всю, или хотя бы половину, официальной четырёхлетней каденции, либо не переживет первый же серьезный коалиционный кризис. Однако более существенным остается вопрос, сформулированный в начале данной статьи. Идет ли речь об уже не первом в израильской истории ситуативном сбое, который со временем, как и предыдущие, удастся преодолеть, или о системном кризисе партийно-политической системы Израиля, базовые элементы которой были заложены еще за несколько десятилетий до образования самого Государства? Сегодня необходимость структурной реформы израильской парламентской демократии выглядит наиболее насущной и безотлагательной. На практике все большее число экспертов, политиков и широких общественных кругов готовы согласиться с мнением бывшего президента Израиля Р. Ривлина, что первоочередной задачей является восстановить общественное доверие Кнессету, политическим партиям и государственным структурам [IDI's 2020 Democracy Index, 2021].

Принципиально новых, по сравнению с теми, которые высказывались в период прежних сбоев, идей пока не поступало. Речь по-прежнему идет о четырех предложениях, три из которых связаны с принятием соответствующих законодательных актов в рамках тех или иных проектов реформы политической системы Израиля. Первая идея – это резкое укрепление исполнительной власти, и, следовательно, стабильности правительства путем введения «исполнительного президентства» в одной из двух его моделей. Это американская модель, которая предполагает, что всенародно избранный президент сам формирует «правительство профессионалов», и европейская (парламентско-президентская) модель, при которой президент формирует правительство, состоящее из политиков, ответственных также и перед парламентом. При всей внешней привлекательности этих идей, которые могут способствовать оптимизации исполнительной власти, вероятность их реализации сомнительна.

Итак, современный этап развития израильской партийной системы и парламентской демократии, позволяет говорить о наличии трех обстоятельств. Во-первых, о распаде блоковой модели и трансформации традиционных идеологических лояльностей по вектору «правых и левых» в ситуативные сиюминутные партийные комбинации. Надежда на то, что создание широких и устойчивых (а не «технических») предвыборных союзов, станет оптимальным выходом из диктуемой «партийным полиморфизмом» ситуации, также не оправдалась. В-третьих, в обществе по-прежнему имеется запрос на наличие сильного политического центра, располагающего автономной позитивной программой, способного в случае сохранения стратегического союза Ликуда и консервативно-религиозных партий, составить ему политическую альтернативу. Аргументом в пользу такой гипотезы может служить постепенный рост популярности самой идеи «широкого правительства национального единства» как долгосрочной меры [Hoffman, 2020]⁴. Носители таких взглядов

⁴ В феврале 2020 г. компании Panels Politics по заказу газет *Jerusalem Post* и *Maariv* провела опросы, в результате которых было выявлено 42% сторонников этой варианта развития событий. Более четверти (точнее, 26%) респондентов по-прежнему предпочитали «узкое правительство национального единства» в составе двух крупнейших списков – «Ликуд» и «Кахоль-лаван», и еще 16% хотели, чтобы их партнёром был также «НДИ». (Создание право-религиозной коалиции поддерживали лишь 23% опрошенных израильтян, и еще меньше – 19% – левоцентристскую коалицию при внешней поддержке арабских партий). Сходные данные (48% сторонников правительства национального единства в его «широком» или «узком» варианте) показал и опрос по заказу газеты «Израэль».

считают, что только с появлением харизматического лидера нового блока центристских сил и партий возможно будет воплотить программу оптимизации партийно-политической системы Израиля в целом. Насколько это практически возможно, покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ /REFERENCES

- Карасова Т.А. *Блок Маарак в партийно-политической системе Израиля*. М.: «Наука», 1988 [Karasova T.A. *The Bloc Maarah in the Israeli Party-Political system*. Moscow: Nauka, 1988 (in Russian)].
- Карасова Т.А. Партийная система Израиля. Звягельская И.Д., Карасова Т.А., Федорченко А.В. *Государство Израиль*. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. С. 356–367 [Karasova T. Israeli Party System. Zvyagelskaya I.D., Karasova T.A., Fedorchenko A.V. *The State of Israel*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2005. Pp. 356–367 (in Russian)].
- Карасова Т.А. *Политическая история Израиля. Блок Ликуд: прошлое и настоящее*. М.: Наталис, Институт востоковедения РАН, 2009 [Karasova T. *Political History of Israel. The Likud Bloc: Past and Present*. M.: Natalis, Institute of Oriental Studies RAS, 2009 (in Russian)].
- Карасова Т., Штереншис М. Политический режим современного Израиля. *Международная аналитика*. 2016. № 4. С. 24–32 [Karasova T., Shterenshis M. The Political Regime of the Modern Israel. *International Analytics*. 2016. No. 4. Pp. 24–32 (in Russian)].
- Майр П. *Управляя пустотой. Размывание западной демократии*. Пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019 [Mair P. *Ruling the Void. The Hollwing of Western Democracy*. Moscow: Gaidar Institution, 2019 (Russian translation)].
- Рейбрук Д. *Против выборов*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018 [Reybruck D. *Against Elections*. Moscow: Ad Marginem Press, 2018 (in Russian)].
- Ханин В. (З.). *Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века*. М.: ИБВ, 2014. С. 17–34 [Khanin V.(Z.). *Party-Political Structures and Election Process in Israel at the Early 21th Century*. Moscow: IME, 2014. Pp. 17–34 (in Russian)].
- Ханин В. (З.). *Проблема реформы политической системы Израиля в свете предпосылок и итогов выборов в Кнессет 20-го созыва*. Монографический очерк. М.: ИБВ, 2016. С. 59–61 [Khanin V. (Z.) *The Reforming Problems of Israeli Political System in the Light of Knesset 20th convocation*. Moscow: IME, 2016. Pp. 59–61 (in Russian)].
- Эпштейн А. *От межблокового противостояния к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны*. М.: Институт Ближнего Востока, 2013 [Epshtein A. *From the Inter-bloc Confrontation to the Formation of a "Party in Power". The Tendencies of Israel Social and Political Life in the Light of the Knesset 19th Elections Results and the New Government Formation*. Moscow: IME, 2013 (in Russian)].
- Andeweg R.D. *Political Recruitment and Party government. The Nature of Party Government. A Comparative European Perspective*. Ed. Jean Blondel and Maurizio Cotta. Basingstoke: Palgrave, 2000. Pp. 38–55.
- Arian A. *The Second Republic: Politics in Israel*. Chatham, NJ: Chatham House, 1997.
- Arian A., Shamir M. Candidates, Parties and Blocs: Israel in the 1990s. *Party Politics*. Vol. 7. No. 6. November 2001. Pp. 689–710. <https://doi.org/10.1177/1354068801007006002>.
- Arian A., Shamir M. A Decade Later, the World Had Changed, the Cleavage Structure Remained: Israel 1996–2006. *Party Politics*. Vol. 14. November 1, 2008. Pp. 685–705.
- Avineri, Shlomo. *Democracy in Israel: Past, Present, and Future*. 2021. Los Angeles: The Nazarian Center for Israel Studies, University of California Los-Angeles. <https://israeled.org/shlomo-avineri-democracy-in-israel-past-present-and-future/> (accessed: 12.01.2021).
- Barak A. *On Society, Law and Judging*. Montesquieu Lecture 2010. https://www.tilburguniversity.edu/sites/tiu/files/download/Montesquieu%20Lecture%202010%20A.%20Barak_2.pdf.

- Cas M. *The Populist Radical Right Parties in Europe* - Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Israeli Democracy at the Crossroads*. Ed. R. Cohen-Almagor. London: Routledge, 2018.
- Israel under Netanyahu. Domestic Politics and Foreign Policy*. Ed. R. Freedman. London: Routledge, 2020.
- Elazar D. *Who's the Boss in Israel? Israel at the Polls, 1988–1989*. Detroit: Wayne State University Press, 1992.
- Hoffman G. Public Wants Unity Gov't with Blue and White, Likud – Poll. *Jerusalem Post*. 07.02.2020.
- Krouwel A. Otto Kirchheimer and the Catch-All Party. *West European Politics*. Vol. 26. No. 2. 2003. Pp. 23–40.
- IDI's 2020 Democracy Index: Public Trust, Social Solidarity and Democracy in Danger. *Israel Democracy Institute*. January 11, 2021. <https://en.idi.org.il/articles/33415> (accessed 28.04.2022).
- Medding P. *Mapai in Israel: Political Organization and Government in a New Society*. Cambridge: University Press, 2010.
- Mor Sh. *The Accidental Wisdom of Israel's Maligned Electoral System*. *Fathom Journal*. Issue 22. 2019. <http://fathomjournal.org/wp-content/uploads/2019/02/Shany-Mor-Fathom-22-1.pdf> (accessed 28.04.2022).
- Parmater I. Israel's Democracy: a Systemic Problem. *The Interpreter*, 17 February 2020. <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/israel-s-democracy-systemic-problem> (accessed 28.04.2022).
- Parties, Elections and Cleavages: Israel in Comparative and Theoretical Perspectives*. Eds. R. Hazan, M. Maor. London: Frank Cass Publishers, 2000.
- Rahat G. Israel in Comparative and Theoretical Perspective. *The Politics of Regime Structure Reform in Democracies* (SUNY series in Israeli Studies). Ed. Russell Stone. Albany: The State University of New York Press, 2008.
- Satory G. The Party-Effects of Electoral Systems. *Parties, Elections and Cleavages: Israel in Comparative and Theoretical Perspectives*, 1st Edition. Eds.: Hazan R., Maor M. Routledge, 2000. Pp. 13–28.
- Shamir M., Arian A. Collective Identity and Electoral Competition in Israel. *American Political Science Review*. Vol. 93. No. 2. June 1999. Pp. 265–277.
- Yanai N. Why Do Political Parties Survive? An Analytical Discussion. *Party Politics*. 1999. Vol. 5. No. 1. Pp. 5–17.
- Yishai Y. *Land of paradoxes: interest politics in Israel*. Albany: SUNY Press, 1991.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КАРАСОВА Татьяна Анисимовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин, ИВ РАН, Москва, Россия.

Tatiana A. KARASOVA, PhD (History), Leading Research Fellow, Department of Israel and Jewish Communities Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ХАНИН Владимир (Зеев) – профессор Ариэльского и Бар-Иланского Университетов, Израиль.

Vladimir (Zeev) KHANIN, Professor of the Ariel and Bar-Ilan Universities, Israel.